

Список литературы

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок*. М.: АСТ. 512 с.

Ковалев В.А. 2008. Новации в российской политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 166-173.

ASONOV Nikolai Vasil'evich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Full member of the Academy of Political Science, Professor of the Chair of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 M. Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; nbassonov@yandex.ru)

FEBRUARY REVOLUTION AS A PRODUCT OF REALIZATION OF THE EXTREME-LEFT IDEOLOGY OF BUILDING A NEW TYPE OF CIVIL AND RELIGIOUS COMMUNITY

Abstract. The present article discloses the left-wing nature of the political ideology of liberalism, which manifested itself in the extreme-left form of take-over. It provoked the First World War and the revolutionary events of 1917 in Russia, for only the suppression of the monarchy in Russia could open the way for the establishment of a new type of civil and religious community in other countries.

Keywords: February revolution, history, Russia, ideology, left-wing radicalism, extreme-left politics, liberalism

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, корп. «Шуваловский»; vasilenko.irina@mail.ru)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности русской революции 1917 г. как отражение кризиса русской культуры. Автор считает, что духовные и культурные причины, которые привели к революции 1917 г. в России, были уникальными и чисто русскими. Русская революция как коренной слом традиционного уклада жизни и культурной традиции стала возможной только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои, которые расшатал нигилизм, охвативший вначале интеллигенцию, а потом и народ. В статье обосновывается вывод, что трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих уроков в том, чтобы бережно хранить национальную историческую память, ценить духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.

Ключевые слова: русская революция, историческая память, духовная культура, духовный раскол, нравственные устои общества.

В этом году мы отмечаем столетие русской революции 1917 г., и эта знаменательная дата вновь вызвала оживленные политические дискуссии о ее роли и значении в мировой и российской истории.

С самого начала важно подчеркнуть, что онтологический и социокультур-

ный смысл русской революции 1917 г. был проникнут глубоким пессимизмом. Возможно, Николай Бердяев сформулировал главное онтологическое и культурное противоречие этой революции: в ней происходит суд над злыми силами, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, т.к. добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории [Бердяев 1990: 108]. Революция как коренной слом традиционного уклада жизни и культурной традиции стала возможной только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои; их расшатал нигилизм, который захватил вначале интеллигенцию, а потом и остальной народ. Несмотря на успехи науки и промышленности, хозяйственный подъем России в начале XX в., в этих внешних достижениях скрывался глубокий духовный и культурный кризис русского общества: распад духовной и нравственной традиции.

О симптомах этого духовного кризиса в начале XX в. писали все великие русские философы и писатели того времени: С. Франк и Н. Бердяев, И. Ильин и С. Булгаков, Л. Толстой и Ф. Достоевский. Современники русской революции, они хорошо видели, как накануне революции в среде русской интеллигенции произошел глубокий нравственный надлом: она колеблется между невольной и нарочитой слепотой. Одни упиваются просветительским скептицизмом, другие — богоненавистничеством, третьи принимают эту духовную пустоту за руководящую идею и планируют революцию. Как отмечал И. Ильин, русская революция начинается с неверия и заканчивается преступностью и хаосом [Ильин 1997: 405].

К сожалению, русской интеллигенции в революции 1917 г. принадлежала трагическая роль той разрушительной культурной силы, которая в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и реальные основы истории, заменив их отвлеченной пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма [Новгородцев 1990: 280]. И эти нигилистические, анархические и богоборческие настроения постепенно проникают в гущу народных масс, становятся общественными настроениями, а потом, в условиях революции, — реальной движущей силой истории.

Ф. Достоевский в своих «Дневниках писателя» очень ярко описывал общий духовный кризис предреволюционного общества: «Что-то носится в воздухе полное материализма и скептицизма; началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно, убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана» [Достоевский 2012: 132]. Наверное, наиболее образно и глубоко он раскрыл этот духовный надрыв русской интеллигенции накануне революции в своем пророческом романе «Бесы». На примере героев романа мы видим, как принцип вседозволенности («Если Бога нет, значит, все позволено!»), который исповедовало революционное подполье в России, ведет к полной аморальности и беспринципности в политике.

Действительно, в процессе русской революции совершается огромный социальный и культурный переворот: она низвергает господствующие классы и поднимает народные слои, раньше угнетенные и униженные. С одной стороны, в русском народе обнаружилась огромная витальная сила, но при этом, естественно, произошло понижение уровня культуры, ибо высокая культура всегда создается путем длительного отбора. Как горько подчеркнул Н. Бердяев, «большевики пришли к господству в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами. Это определилось не только тем, что они не принадлежали к тому слою, в котором выработалась культурная форма и манеры, более соответствующие понятию о прекрасном, но и тем, что у них было много ненависти, мстительности, ressentiment, которые всегда уродливы, у них не было еще никакого стиля, не произошло еще оформления. В революциях всегда есть уродливая сторона» [Бердяев 1990: 112].

К сожалению, стиль русского коммунизма и русской революции во многом определился в условиях жестокости и ненависти периода Первой мировой войны. Эта война впервые в человеческой истории породила неслыханные массовые жертвы и страдание, невиданное прежде море крови и слез, благодаря использованию новых средств вооружения. Человеческая жизнь страшно обесценилась, и эта незащищенность личности перед лицом грубой силы была свидетельством невиданной прежде дегуманизации культуры.

Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистский характер русской революции — ее яркая черта. Именно атмосфера войны создала в русской революции особый тип победоносного большевизма и переродила тип и культуру русской интеллигенции. Методы и стиль войны во многом были перенесены внутрь страны. Как отмечали современники, появился новый культурный тип милитаризованного молодого человека, который имел образ завоевателя, не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, одержим волей к власти и могуществу [Бердяев 1990: 113]. Именно этот тип большевика-завоевателя был готов совершить и совершил революцию: ведь революции не совершаются мечтательными интеллигентами.

Во время Первой мировой войны Россия столкнулась со всеми ужасами, сопутствующими поражению разлагающейся многомиллионной армии. В условиях всеобщего хаоса и анархии пришедшее к власти после Февральского переворота либерально-демократическое правительство начинает провозглашать отвлеченные гуманные принципы, которые не понимали и не могли понять революционные массы народа. Либерал Керенский с его гуманными принципами совсем не подходил для революционной эпохи. Временное правительство стремилось «из благородного чувства» продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта.

Основная причина падения Временного правительства и государственного разгрома была в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы русского человека, ни движущих им мотивов. Перед революцией интеллигенция пользовалась народом как орудием борьбы с самодержавием. Но когда в условиях войны русская монархия рухнула, интеллигенция вынуждена была немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. И здесь ее постигло настоящее банкротство: «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими» [Изгоев 1990: 41].

Оказалось, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. И проект этой диктатуры был подготовлен и предложен большевиками во главе с В. Лениным. В условиях деморализации армии, всеобщего хаоса и анархии только большевики оказались способными справиться с ситуацией, взять ее под контроль и вести за собой народ. Ленин воспользовался бессилием либерально-демократической власти, непониманием и неприятием ее культурной и политической символики взбунтовавшимся народом. Как стратег и тактик революции он оказался на высоте: увидев откровенное нежелание солдат продолжать войну, он предложил им мир; осознав

всю вековую глубину стремления крестьян к земле, он передал им землю. За ним пошли массы, и он вместо культуры никому не понятной в России демократии, воспользовавшись русскими традициями векового монархического правления, предложил большевистскую диктатуру, гораздо более похожую на монархию.

В условиях жестокости и страданий Первой мировой войны жестокости новой диктатуры не показались народу чрезмерными: народ никогда не знал свободы и не стремился за нее бороться. Архетип перехода в русской культуре от одной целостной веры к другой, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь, оказался чрезвычайно сильным.

Как отмечал Н. Бердяев, Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства, к новому средневековью: «Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству» [Бердяев 1990: 216].

Так, русская культура воспринимает и преобразует марксизм в духе своих традиций. Но это было неслыханное падение великой русской культурной традиции, отброшенной назад, в новое средневековье, с культом беспрецедентной жестокости и насилия. Современник русской революции философ С. Франк горько заметил: «Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и всосан народным организмом» [Франк 1990: 121].

Но, с другой стороны, этот кризис культуры, обнаруживший все язвы и надрывы русского общества, парадоксальным образом тем самым в исторической перспективе послужит и добру. Тяжело «переболев» революцией, общество и культура способны освободиться от своих надрывов и язв. В этом проявляется двойственный характер русской революции: с одной стороны, она наиболее полно обнажает зло, с другой — косвенно указывает обществу путь освобождения от него. Другими словами, в революциях, как в грозе, культура способна очищаться и просветляться. Как пророчески писал С. Аскольдов, взрывы злых сил в процессе революции являются провозвестниками новых духовных подъемов и, быть может, даже преображений [Аскольдов 1990: 12].

Однако потребовалось целое столетие, чтобы наше общество и наша культура снова сумели восстановить, возвысить величайшие традиции гуманизма, которые на протяжении многих веков культивировались в русской философии, литературе и искусстве. Потребовалось целое столетие, чтобы традиционные гуманные ценности русской культуры вновь оказались востребованными народом и властью в России. Мы, наконец, начали восстанавливать нашу историческую память, вспоминать подвиги наших героических предков, ценить соборность, единство и согласие в обществе.

От лица духовной власти в современной России патриарх Кирилл справедливо назвал русскую революцию «трагедией русского народа», вспоминая о нападках и репрессиях, которым подверглись верующие в России, о гонениях на русскую церковь, о разрушении храмов, о глумлении над святынями, об убийстве множества людей и заключении их на длительные сроки в тюрьмы и концентрацион-

ные лагеря¹. Однако главная трагедия России в революции 1917 г. заключалась в том, что, одурманенный сомнительными популистскими идеями, русский народ позволил оболгать национальную историческую память, надругаться над своей традицией, веками создававшейся усилиями предков, позволил разделить себя на враждующие лагеря и поставить политические и социальные различия выше национального единства и культурной общности.

Необычайно актуально сегодня звучат слова П. Новгородцева: «Каждый народ, образовавший из себя духовное целое, имеющий свою историю, свою культуру, свое призвание, носит в себе живую силу, которая сплавливает воедино его отдельных членов, которая из этих атомов, из этой пыли людской делает живой организм и вдыхает в него единую душу. Это — та великая сила духовного сцепления, которая образуется около святынь народных; это — сила того Божьего дела, которое осуществляет в своей истории народ... Лишь целительная сила, исходящая из святынь народной жизни и народной культуры, может снова сплотить воедино рассыпавшиеся части русской земли. Вот то общее дело, в котором интеллигенции и народу надлежит быть вместе и в котором самое противоположение интеллигенции и народа должно исчезнуть или по крайней мере утратить свою остроту» [Новгородцев 1990: 281].

Несомненно, трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих исторических и социокультурных уроков в том, чтобы бережно хранить национальную историческую память, ценить высокую духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.

Список литературы

Аскольдов С.А. 1990. Религиозный смысл русской революции. — *Из глубины: сборник статей о русской революции*. М.: Изд-во МГУ.

Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Репринтное воспроизводство издания 1955 г. М.: Наука. 224 с.

Достоевский Ф.М. 2012. *Дневник писателя*. М.: Институт русской цивилизации. 880 с.

Изгоев А.С. 1990. Социализм, культура и большевизм. — *Из глубины: сборник статей о русской революции*. М.: Изд-во МГУ. 298 с.

Ильин И.А. 1997. Николай Ставрогин (Достоевский. «Бесы»). — *Собрание сочинений*. В 10 т. М. Т. 6.

Новгородцев П.И. 1990. О путях и задачах русской интеллигенции. — *Из глубины: сборник статей о русской революции*. М.: Изд-во МГУ.

Франк С.Л. 1990. De Profundis. — *Из глубины: сборник статей о русской революции*. М.: Изд-во МГУ.

¹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений. Доступ: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4789256.html> (проверено 04.07.2017).

VASILENKO Irina Alekseevna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor of the Chair of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University (bld. «Shuvalovskij», 27 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; vasilenko.irina@mail.ru)

THE SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: HISTORICAL LESSONS

Abstract. The article discusses the main features of the Russian revolution of 1917 as a reflection of the crisis of Russian culture. The author believes that the spiritual and cultural causes that led Russia to the revolution of 1917 were unique and purely Russian. The Russian revolution as a radical breakdown of the traditional way of life and cultural tradition became possible only because of living the traditional foundations of the everyday life of people, shaken by nihilism, which was first captured by the intelligentsia, and then by the other people. The article substantiates that the tragic experience of the Russian revolution of 1917 showed the need for a thorough understanding by all political, social and cultural forces of the country of the lessons of these historical events. The most important of them is the necessity to cherish national historical memory, to value the spiritual culture of the people, strengthen the moral foundations of society, not allowing religious schisms and disasters.

Keywords: Russian revolution, historical memory, spiritual culture, spiritual split, moral foundations of society

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович – доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; historymosq@mail.ru)

ПИСАТЕЛЬ ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО: «БЫЛА БЫ ЖИВА РОССИЯ»

Аннотация. Данная статья является рецензией на книгу С.Н. Дмитриева «Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921. От Первой мировой до красного террора и НЭПа».

Ключевые слова: В.Г. Короленко, русский писатель, российская революция, смута, большевизм, Россия и Украина, национализм

Столетие революционной смуты в России, включающей революцию 1917 г. и Гражданскую войну 1917–1922 гг., вызывает повышенный общественный интерес к загадкам общественного катаклизма. Познанию русской драмы способствует многоаспектное осмысление событий революционных лет. В этом контексте заметным событием представляется издание книги кандидата исторических наук, секретаря правления Союза писателей России Сергея Николаевича Дмитриева [Дмитриев 2017]. Жанр персональной истории, связанной с биографией русского писателя Владимира Короленко (1853–1921), окрашен автором многоцветными красками исторического контекста революционной эпохи – от Первой мировой войны до красного террора и нэпа. Особая ценность книги проявляется в созвучности идей яркого представителя русской классической литературы с современной действительностью.

Владимир Галактионович Короленко позиционируется как носитель лучших традиций русской литературы, получивший после смерти в 1910 г. Л.Н. Толстого эстафету «первого морального авторитета» страны, которому судьба определила необходимость увидеть и пропустить через себя все раскаты русской смуты 1917–1921 гг., отразив увиденное и прочувствованное в огромном творческом наследии: дневниках, письмах, публицистических статьях. Он один из немногих знаменитых писателей России, кто в годы революционной смуты не менял